

© 2016 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРАВО ГЕТМАНА И.С. МАЗЕПЫ НАЗНАЧАТЬ КАЗАЦКИХ ПОЛКОВНИКОВ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО: КАЗУС ИВАНА ЧЕРНЫША 1707 ГОДА

В статье анализируются взаимоотношения российского правительства и гетманской администрации в деле назначения казацких полковников Войска Запорожского в гетманство И.С. Мазепы. Основное внимание уделено недоразумениям, которые возникли в 1707 г. в результате попыток царских властей утвердить на должность стародубского полковника И. Черныша без учета мнения гетмана и полковой старшины. The article deals with a precedent in the Russian-Ukrainian relations, when the Russian government appointed Ivan Chernysh to the post of the Starodub colonel in 1707. The tsar's court did not take into account the opinion of Hetman Ivan Mazepa in this matter, as it had usually been done before.

Ключевые слова: И.С. Мазепа, И. Черныш, русско-украинские отношения, Стародубский полк.

Keywords: Ivan Mazepa, Ivan Chernysh, Russian-Ukrainian relations, Starodub Regiment.

Существование автономной Гетманской Украины (Гетманщины или Малой России) в составе русского государства во второй половине XVII в. сопровождалось складыванием определенных правовых норм и обычаев, как зафиксированных на бумаге (в царских статьях и жалованных грамотах Войску Запорожскому), так и неписаных, утверждавшихся в рамках повседневной практики взаимоотношений царской власти и гетманской администрации. Так, в первые десятилетия царь и его советники не вмешивались в «кадровую» политику гетмана, оставляя вопрос утверждения полковников и замещения должностей генеральной старшины на его усмотрение. В статьях, данных русским правительством Войску Запорожскому в 1659 г., лишь оговаривалось обязательство гетмана назначать и смещать старшину и полковников с согласия казацкой рады и ограничивалось право гетмана приговаривать их представителей к смерти (приговор должен был утверждаться царскими властями). При этом в полковники могли быть избраны только кандидаты из местных казаков [1. С. 110–112]¹. В Конотопских статьях 1672 г., в частности, фиксировалось, что гетман может «отставить» представителей казацкой старшины только «по суду и по праву посполитому» [1. С. 243].

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 5-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И.С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

¹ Не прав В.И. Борисенко, утверждающий, что по статьям 1659 г. гетману запрещалось назначать и смещать генеральную старшину и полковников без разрешения царя [2. С. 14].

Традиционно в Москву лишь сообщалось о перестановках на полковничьих должностях. Более того, когда в 1676 г. стародубский полковник П. Рославец попытался обратиться с жалобами на гетмана к царю, минуя старшинскую раду, и даже предлагал изъять свой полк из-под гетманской власти, русское правительство целиком встало на сторону тогдашнего правителя Малой России – Ивана Самойловича, отказавшись потакать подобным устремлениям².

Реальное ограничение права гетмана свободно назначать генеральную старшину появилось только в Коломацких статьях 1687 г. Согласно статье 11 «гетману старшины генеральной без воли и указу их царского пресветлого величества, не описався о том к ним, великим государям, с уряду никого не переменят» [1. С. 314]. Однако полковники в число генеральной старшины не входили [4. С. 114]. Нельзя согласиться поэтому с украинским советским историком В.И. Борисенко, что указанный документ запрещал гетману самовольно назначать полковников [2. С. 15]. Тот же исследователь пишет, что в 1690 г. по царскому распоряжению были смещены со своих должностей переяславский полковник Л. Полуботок и генеральный есаул В. Сербин [2. С. 15]. Однако и Борисенко, и не совсем корректно перенесший эту информацию в свою книгу украинский историк В. Горобец (у Борисенко отмечено, что переяславский полковник Родион Дмитрашко (Дмитрашко Райча) свергнут ранее, и лишь «с согласия» Малороссийского приказа, у Горобца – по царскому указу в 1690 г. – *К.К.*) [5. С. 55, 72]³, трактовавшие это как пример вмешательства царского правительства в кадровую политику И.С. Мазепы, в данном случае ошибаются в ряде существенных деталей.

Очевидно, что Р. Дмитрашко был лишен должности по инициативе самого Мазепы, отправившего полковника с грамотой в Москву, чтобы в его отсутствие настроить против него переяславских казаков и отправить донос правительству. Царские власти лишь по просьбам гетмана распорядились освободить Дмитрашку от полковничьей должности в сентябре 1688 г. и придать войсковому суду [6. Т. 1. С. 163, 177, 226–227, 232, 247]. Войцу Сербина Мазепа также обвинял в самоуправстве (тот будто самовольно отпустил из плена некоего татарина), сообщив, в конце концов, в столицу о его решении оставить должность генерального есаула ввиду болезни и преклонных лет в январе 1689 г. [6. Т. 1. С. 232, 284–285, 296].

Леонтия Полуботка Мазепа еще в 1688 г. обвинял в самовольной переписке с крымским ханом, а затем и интригах, направленных против него самого [7. С. 177; 8. С. 165–166]. В конце концов, Полуботок был смещен по царскому указу летом 1690 г. за «непристойные и дерзновенные поступки», однако толчком к этому послужили просьбы и намеки самого Мазепы. В любом случае русское правительство никак не повлияло на решение гетмана утвердить на его место Ивана Лысенко. Мазепа лишь уведомил об этом столичные власти, впрочем, как и ранее, когда назначал Полуботка [6. Т. 1. С. 393, 401–402].

Хотя царь как верховный правитель (суверен) формально гарантировал войсковой или полковой казацкой раде право выдвижения кандидатов в полковники, ограничивая возможность гетмана безраздельно распоряжаться замещением полковничьих и старшинских должностей, на деле именно так и происходило. Здесь можно привести в пример хотя бы гетмана И. Самойловича, при котором полковниками побывали трое его сыновей и племянник. С избранием в гетманы Мазепы больших изменений эта практика не претерпела. Русское правительство в лучшем случае могло ограничиться лишь формальной санкцией в отношении уже назначенного либо смещенного человека. На этом фоне тем более неслыханными и невозможными казались адресованные гетману распоряжения централь-

---

² Самым подробным исследованием дела П. Рославца остается глава из труда Н.И. Костомарова (см. [3. С. 513–531]).

³ Автор, почему-то всего лишь пересказав текст Борисенко, тем не менее в примечании на первом месте поставил взятую у того же архивную ссылку, и только во вторую очередь сослался на работу этого исследователя.

ных властей назначить кого-либо на ту или иную полковничью или старшинскую должность. Подобному прецеденту, возникшему двадцать лет спустя после избрания И.С. Мазепы гетманом, и посвящена настоящая статья.

Еще в начале XX ст. известный генеалог и знаток истории казацкой старшины и малороссийского дворянства В.Л. Модзалевский обратил в своей биографии генерального судьи Ивана Черныша (ум. в 1728 г.) на интересный факт, а именно на попытку его героя получить в 1707 г. стародубское полковничество по царскому указу, без одобрения или даже уведомления гетмана И.С. Мазепы. Согласно Модзалевскому, попытка эта закончилась полной неудачей: незадачливый искатель полковничьей должности едва избежал суда «по войсковым правам». Биограф Черныша, к сожалению, не дал ссылок на использованные им источники, однако из текста следует, что, по крайней мере, частично им были привлечены материалы переписки Мазепы с царскими «министрами» – Г.И. Головкиным и П.П. Шафировым [9. С. 320–321].

История эта не привлекла особого внимания исследователей. Между тем ее более детальное изучение с опорой на архивные документы позволяет сделать ряд ценных наблюдений касательно отдельных, весьма важных аспектов русско-украинских отношений того времени, обозначенных выше.

Прежде чем приступить к рассмотрению данного сюжета, несколько слов стоит сказать о самом И. Черныше. Он был одним из тех карьеристов, кто всеми правдами и неправдами сколачивал себе состояние и завоевывал социальный статус в период, когда казацкая старшина разных уровней начала трансформироваться в привилегированную сословную группу землевладельцев, составившую впоследствии основу малороссийского дворянства Российской империи.

Если верить челобитной стародубской старшины 1707 г., Иван Черныш отнюдь не принадлежал казацкому роду. Его отец зарабатывал на жизнь портняжным ремеслом, игрой в кости, трудом на винокуренном предприятии в Батурине. Свою фамилию он получил за смуглый цвет лица, который унаследовал и его сын. Черныш-старший рано умер, и его вдова вторично вышла замуж за сечевого казака Вергуна, занимавшегося торговлей спиртным. Черныш-младший выучился писать в школе при Свято-Никольском батуринском монастыре и поступил на службу канцеляристом в сердюцкий полк [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 3 об. – 4].

Много лет спустя, в жалованной грамоте Чернышу 1718 г. указывалось, что отец и дед его участвовали в обороне Чигирина 1677–1678 гг. [9. С. 318]. Это, по всей видимости, сфальсифицированное известие должно было подчеркнуть казацкое происхождение Черныша, которого он на самом деле не имел.

В 1695 г. в составе сердюцкого полка Д. Чечеля Иван Черныш участвовал в походе русско-казацкого войска на турецкие крепости на Днепре, а в 1698 г. он упоминается как войсковой канцелярист [9. С. 318]. В канцелярию, согласно стародубской челобитной, Черныш попал по протекции генерального писаря В.Л. Кочубея, у которого он служил несколько лет после взятия Казикермена [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 3 об.–4].

Служба в гетманской канцелярии открывала перед способной украинской молодежи заманчивые перспективы продвижения по карьерной лестнице. В декабре 1699 г. Черныш побывал с письмом Мазепы в Москве [6. Т. 2. С. 582], а в феврале 1700 г. гетман дал ему более ответственное поручение – доставить послание самого царя Петра I русскому послу Е.И. Украинцеву в Константинополь. Канцелярист прибыл туда в апреле и даже был представлен османским уполномоченным на одной из конференций [11. С. 136–137]. Упоминание об этой поездке в царской жалованной грамоте на имения Черныша, выданной в 1718 г. [9. С. 318], подчеркивает, что эта миссия заняла почетное место в его послужном списке. Благодаря ей на гетманского гонца должны были обратить внимание и в русской столице, учитывая, что по возвращении из Константинополя, где-то в

конце 1700 г. Черныш был послан с гетманскими письмами к руководителю посольских дел Ф.А. Головину [6. Т. 2. С. 699, 701].

В 1701 г. Черныш ездил с гетманским письмом к царю. В том же году Мазепа назначил расторопного канцеляриста управляющим («господарем») Батуринского замка (был им в 1701–1703 гг.), что являлось свидетельством особого доверия гетмана. Летом 1705 г. он был послан во главе казацкого отряда на соединение с русскими войсками в Прибалтику. В.Л. Модзалевский отмечает, что в это время Черныш именовался даже полковником, по всей видимости, наказным. Служба давала ему возможность не только укрепить положение при гетманском дворе, но и получить некоторую известность у отдельных русских вельмож. В 1706 г. И. Черныш, по сведениям его биографа, участвовал в победной для русских Калишской баталии, и, надо думать, не рядовым казаком [9. С. 319–320; 12. С. 928]⁴. Русским войском командовал А.Д. Меншиков, и возможно казацкий «офицер» сумел каким-то образом представиться светлейшему князю. Этим можно объяснить позднейшие попытки царского фаворита оказать Чернышу протекцию. Так или иначе, к этому времени Черныш, именовавшийся знатным войсковым товарищем, уже видимо полагал, что достоин более значимой должности. Важным прецедентом при этом было то, что получить он ее решил при помощи русских властей.

В начале 1707 г. Черныш появился при царском дворе, находившемся в тот момент в Жолкве (Правобережная Украина), где стал активно добиваться получения полковничьей должности [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 1–1 об.].

В январе 1707 г. руководитель посольских дел Гаврила Иванович Головкин сообщил Мазепе, что царю «бил челом» Черныш, прося пожаловать ему вакантное харьковское полковничество. Харьков находился в составе Слободской Украины и гетману Мазепе не подчинялся. Поэтому данное обращение Черныша показывает, что в стремлении сделать карьеру он готов был пожертвовать службой под началом Мазепы, теснее связав свою судьбу со служилой корпорацией, подконтрольной центральному правительству.

Однако Харьковского полка Черныш не получил. К тому времени царь пожаловал его изюмскому полковнику Федору Шидловскому и «не соизволил того своего монаршеского позволения переменить». Головкин нашел, однако, казавшийся ему легким выход, написав Мазепе (22 января 1707 г. из Жолквы), чтобы тот «велел быть» (примечательно, что эта фраза была вписана вместо зачеркнутого слова «пожаловал») Чернышу «за ево к нему великому государю многие службы» в полковниках «регimentу своего», предоставив ему одну из вакантных, по мнению вельможи, должностей: киевское, нежинское, стародубское или гадячское полковничество. На отпуске письма есть помета: «Отдано ему Чернышу» [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 7–7 об.].

Где-то в то же время послание Мазепе направил и Меншиков, прося дать Чернышу пернач стародубского полковника со ссылкой на царский указ («указом монаршим предлагает и повелевает», – так писал об этом сам гетман) [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 157].

Заручившись согласием русских царедворцев, Черныш посчитал вопрос о его назначении решенным, а гетманское согласие по-видимому воспринимал уже как формальное. Выехав из царской ставки на Украину с письмом Головкина, он поспешил объявить о получении должности полковника в ряде малороссийских городов (Киеве, Козельце, Нежине) [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 1–1 об.].

Получение под свое начало Стародубского полка, самого обширного среди других, сыном портного и игрока в кости, столь стремительно возвысившегося «из грязи в князи» не только благодаря гетману или генеральному судье В.Л. Кочубею, но и царю, не могло не вызвать недовольства И.С. Мазепы и, что более

---

⁴ В.Л. Модзалевский ошибочно пишет, что Черныш был управляющим замком в Гадяче (см. [13. С. 530, 533–534]).

важно, генеральной и полковой старшины. Ведь тем самым закладывался опасный для украинской верхушки прецедент реального определения кандидатов на полковничьи должности при участии центральных властей вместо бытовавшей ранее формальной санкции Москвы. В общем смысле это означало и вторжение царского правительства в украинскую систему социальных лифтов, которая ранее регулировалась исключительно внутри казацкого общества.

Какие же аргументы представил Мазепа, чтобы отказать в исполнении столь болезненно бившей по его авторитету просьбы? Сохранился гетманский ответ на письмо Головкина, не имеющий, к сожалению, даты, но написанный, судя по всему, в первой половине марта 1707 г. (Мазепа ссылается на современные событиям начало великого поста).

В послании гетман объяснял, что велел прибыть к себе старшине Стародубского полка для объявления царского указа о назначении Черныша. Однако старшины, «уже будучи извещены прежде» гетманского «писания публичным оглашением», сами прибыли к гетману «многочисленно з значнейшим старинным и заслуженным полку своего товариством, все единогласно и единодушно от себе и от целого полку подали свою супплику, целе не хотячи мети и видети у себе Черныша на полковничестве стародубовском». Они «словесно с многим воплем, велеречием и приреканием укоризненным передо мною говорили, — писал гетман, — что им стыдно и безчестно Чернышеви, человеку молодому, незаслуженному и худородному подначальным быти». Стародубцы ссылались на свою многолетнюю службу царскому престолу, за который, так же как и за «Малороссийскую отчизну», они проливали кровь как в далеких боях за Чигирин (1677–1678), так и в недавнем сражении под Несвижем (1706). Казаки, по их словам, «многие [...] головы свои на пляцу военном положили, многии раны претерпели, многие в неволю биссурманскую и шведскую достались». «А он Черныш, — восклицали стародубцы, — нигде с нами в войску не бывал и заслуг его в отчизне Малороссийской жадных не знаем, навет и самое имя, и особа ево Чернышева мало нам ведома».

Со стародубской «суппликой», в которой были изложены и другие доводы против назначения Черныша, к Г.И. Головкину поехал гетманский канцелярист Даниил Болбот. Он должен был представить и кандидата, который по уверению Мазепы, угоден полковой старшине и о котором они просили гетмана еще на Рождество. Им был племянник Мазепы, Андрей Войнаровский. Гетман при этом сообщал Головкину, что не смеет его назначить без царского указа, вновь признавая за царем права санкционировать подобные назначения.

В завершение своего обширного послания Мазепа отметил, что готов исполнить монаршую волю, даже рискуя навлечь на себя недовольство стародубских полчан, но тут же оговаривался: «А мне б здавалося под сей час военный, не треба б им насилия чинити». Резон, по мнению гетмана, состоял в том, что казаки не будут подчиняться Чернышу «в военных оказиях», в результате в полку упадет дисциплина, да и самому незадачливому обладателю полковнического пернача «небезпечное там будет житие». Опасался гетман и за свою безопасность: «А наипаче я ненадежен естем своего здоровья и доброго состояния, понеже что-нибудь где в регименту моем противное учинится, то на едину мою особу все складают» [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 157–158].

Текст вышеупомянутой челобитной стародубской старшины, которую подписал также и влиятельный купец, стародубский войт Спиридон Ширай от имени городского магистрата, сохранился. В отличие от письма И.С. Мазепы, в ней прямо заявлялось, что назначение «худородного» Черныша не только оскорбляет заслуженных казаков полка, но очевидно противоречит сложившейся традиции («давнему обыкновению») и «правам и вольностям» Войска Запорожского, подтвержденным царскими статьями и жалованными грамотами, согласно которым полковник не может быть назначен без избрания его полчанами. Отмечалось и то, что полковник не может занять свой «уряд» без воли гетмана, которому от царя дана «совершен-

ная власть» давать и отбирать должности [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 1]. Последний-то, впрочем, как уже отмечалось, в целом был готов согласиться с назначением Черныша, не решаясь открыто противиться царскому указу. Несомненно, однако, что рассматриваемая «супплика» была составлена по прямому указанию Мазепы, а возможно и вовсе написана в гетманской канцелярии. На это наводит и наличие в ней многочисленных подробностей биографии Черныша в период его службы при гетманском дворе, фамилии людей, посылавшихся по распоряжению гетмана к туркам, и др. Документ этот показывает двойственность позиции Мазепы: в письме Головкину он не решился на заявления о нарушении царских гарантий Войску Запорожскому и своего права утверждать полковников, предпочтя вложить их в уста стародубской старшины. Себе, таким образом, гетман оставил роль покорного исполнителя царской воли, дающего совет, как разрешить возникшую проблему.

Так или иначе, очевидным было, что Мазепа не желает назначения Черныша. У царских министров возникшая проблема, о которой они, видимо, не подозревали, вызвала определенное замешательство. Разбирать дело поручили тайному секретарю П.П. Шафирову. Когда он донес обо всем царю Петру I, тот ответил, что главным ходатаем за Черныша был А.Д. Меншиков. Последний, однако, свидетельствовал, что Мазепа якобы сам просил у него за Черныша, «чтоб в прощении его учинить вспоможение». Светлейший князь оправдывался, что «он его, Черныша, озлобит за его нахалство не хотел», как раз желая «по его льстивому доношению [...] услужить» самому Мазепе! Шафиров сообщал гетману, что Черныш «под тою прикрышкою непрестанно его величеству також и всем министрам докучил, дабы ему быт бутто по вашему прошению стародубским полковником». Наконец, Г.И. Головкин поведал Шафирову, «что от нахалства его не могли отбитца, хотя он об одном стародубском полку старался, а иные порожные полки [...] в то письмо вписал» на «рассуждение» Мазепы.

Более того, выяснилось, что устный царский указ о пожаловании Черныша, изложенный в приводившемся выше письме Головкина, якобы был «покрепчен и его Чернышевы руки написан» (т.е., видимо, был подделан либо превратно истолкован претендентом на стародубское полковничество), расходясь с реальным государевым распоряжением. Теперь утверждалось, что на самом деле Петр I «не изволил [...], не ведая» от Мазепы «писменного прощения [...] его так просто пожаловать», но велел написать гетману, чтобы он решил вопрос «по своему рассмотрению». Черныш таким образом будто бы ввел Головкина в заблуждение.

Подводя итоги расследования, русское правительство в лице Шафирова полностью отступалось от своего «протезе», отдавая его судьбу в руки Мазепы. «Изволишь ваше превосходительство по изволению своему без всякого сумнения и опасения о нем Черныше учинит и против того писма к Гавриле Ивановичу о состоянии его и о обмане отозваться», – писал Шафиров 16 марта из Львова, соглашаясь, что Мазепа вправе «не толко на то полковничество ему [не] позволить, но за ево шилберство и дерзновенье, фалшивые поступки и возмущение учинить» наказание «по воинским правам» [10. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–25].

Весной 1707 г., с тревогой ожидая, куда развернет свои полки шведский король Карл XII [14. С. 164–167], русское правительство, опасаясь в том числе и удара на Украину, было заинтересовано в лояльности Мазепы. Так, 18 мая Г.И. Головкин сообщал ему из ставки царя в Якубовичах (недалеко от Люблина) о двояких вестях относительно намерений стоявших в Саксонии шведов. Одни информаторы говорили, что «швед» вскоре «подыметя со всем корпусом сюда», другие же – что пока останется в германских землях, выслав в Польшу 10–12 тыс. войска под командой Станислава Лещинского [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 49].

В этих условиях 28 марта 1707 г. устами Шафирова царские власти вновь подтвердили отказ от каких-либо попыток повлиять на замещение должности стародубского полковника: «И о Черныше паки вашему сиятельству напоминаю, дабы ваше сиятельство за ево проникателные и весма фалшивые поступки учинит с ним

изволил так, чему он достоин будет по воинским правам, а кому на полковничестве стародубском быть, то полагает его царское величество на рассмотрение вашего сиятельства» [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 33].

На первый взгляд исход дела был благоприятным для Мазепы. Правительство после первых же завуалированных протестов гетмана поспешило вернуть ситуацию в исходное состояние. Важно, однако, подчеркнуть, что Мазепа не решился оспаривать само право монарха как верховного суверена вмешиваться в процесс замещения полковничьих должностей, который ранее по умолчанию находился целиком и полностью в ведении Батурина. В аргументах Мазепы нет ни слова про традиционные права гетманов как «региментарей» Войска Запорожского и казацкие вольности. Чтобы избавиться от неуютного кандидата, гетман малодушно спрятался за спины стародубских полчан, изображая себя лишь посредником между ними и царской властью. Здесь он фактически выступает в роли царского наместника в Малой России, заботящегося о собственной безопасности и недопущении социального недовольства в Стародубском полку и, как следствие, падения его боеспособности. Последнее было важным для русского правительства, поскольку в указанное время стародубских казаков активно использовали в локальных военных операциях на территории Белоруссии. Так, например, 18 мая Г.И. Головкин направил гетману послание с указанием «как наискорее» выслать 2 тыс. стародубских казаков под Быхов, под команду генерала-поручика Р.Х. Боруа, осаждавшего там местного коменданта, который, переметнувшись на шведскую сторону, захватил 30 тыс. руб. царской казны [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 50].

Более того, Мазепа, не получивший одобрения кандидатуры А. Войнаровского от русских властей, не решился утвердить его полковником. Его обязанности, по всей видимости, исполнял наказный полковник Прокопий Силенко. Лишь спустя около года стародубским полковником был назначен И.И. Скоропадский, будущий гетман [8. С. 49].

Весьма примечательна и позиция в данном случае русской стороны. Инициатива Головкина и Меншикова противоречила уже упоминавшемуся пункту 7 статей 1659 г., предписывавших избирать полковников только из местных казаков, «а из иных полков в полковники не выбирать» [1. С. 110–111], однако к тому времени в царских канцеляриях вряд ли сверяли свою малороссийскую политику с духом и буквой русско-украинских соглашений. Трудно однозначно сказать, какими мотивами руководствовались в данном случае царские «министры» и светлейший князь Меншиков. Здесь можно видеть интригу последнего, которого историки, хотя и на довольно шаткой источниковой основе, иногда обвиняют в намерении увеличить свое состояние за счет обширных имений в Малороссии, сделавшись черниговским «князем» [15. С. 279–284].

Так или иначе, действия Головкина и Меншикова лишней раз показывают хрупкость отношений между гетманом и русскими властями в сферах, где полномочия не были четко разграничены и базировались не столько на гарантиях, зафиксированных в царских статьях и жалованных грамотах Войску Запорожскому, сколько на сложившейся практике взаимоотношений. Попытка русской стороны, намеренно или нет, изменить ее, вмешавшись в кадровую политику гетмана, спровоцировала недовольство Мазепы, несмотря на то, что какие-либо писанные нормы, подтверждавшие его исключительное право утверждать полковников, отсутствовали. Вместе с тем подобный прецедент не мог возникнуть без влияния соглашательской позиции самого гетмана, который постоянно выказывал готовность следовать царским распоряжениям, активно завоевывал доверие царя и его советников, отмежевываясь (как и в случае с Чернышем) от требований казацкого общества, адресованных русскому правительству. Привыкший к подобной угодливости, Головкин, судя по всему, вообще вряд ли видел проблему в том, что Мазепа утвердит кого-то полковником по протекции царского двора. Иначе трудно объяснить, зачем он в своем послании расширил возможное число полковничьих вакансий.

Описанный инцидент показывает и определенные метаморфозы, происходившие в сознании отдельных представителей украинского общества, особенно тех из них, кто *per fas et nefas* стремился повысить свой социальный статус и сделать карьеру. Понимая и признавая реальное влияние русских властей на Украине, когда доверие Москвы было залогом прочных позиций гетмана в казацкой среде, они считали возможным обращение к царю за пожалованиями и должностями напрямую, минуя Батурин. Казус Черныша, как человека, не рассчитывавшего на традиционные методы карьерного продвижения (участие в военных походах, служба в качестве бунчукового товарища и т.д.), ввиду своего неказацкого происхождения лишь только на первый взгляд нетипичен. По сути же перед нами один из признаков эрозии автономного статуса (выражавшегося в совокупности обычаев и юридических норм) Гетманской Украины в составе России, которая приняла свой яркий выраженный характер уже после Полтавской битвы 1709 г. Отчасти об этом свидетельствуют и последующие факты биографии Черныша.

В 1708 г. он был посажен на некоторое время в тюрьму за причастность к известному делу своего бывшего покровителя В. Кочубея и полтавского полковника И. Искры, однако вину его доказать не смогли, и он избежал наказания. После измены Мазепы и избрания гетманом И.И. Скоропадского Черныш возобновил попытки стать стародубским полковником, но в итоге получил под командование Гадяцкий полк [9. С. 321–325].

В 1710 г. в российских правящих кругах активно обсуждались проекты установления контроля над занятием полковничьих и старшинских должностей, а в 1715 г. эта идея была реализована: процесс должен был происходить при участии пребывавшего при гетмане российского резидента. Более того, в отдельных случаях назначения производились и вовсе без участия гетмана, по распоряжению кабинета Петра I и Сената [5. С. 65–66]. Среди подобных назначенцев был и неугомонный Иван Черныш, ставший генеральным судьей.

В приложении публикуется челобитная старшины Стародубского полка. Публикация осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990) с отдельными изменениями. Сокращения, обозначенные титлой и другими знаками, раскрыты без специальных обозначений. При публикации сохранена литера «ѣ» как имевшая разное фонетическое звучание в русском и украинском языках того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. М., 1858. Ч. 1. 1649–1687.
2. *Борисенко В.Й.* Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. Київ, 1986.
3. *Костомаров Н.И.* Руина // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
4. *Геращенко С.В.* Генеральна старшина // Українське козацтво. Мала енциклопедія. Київ, 2006.
5. *Горобець В.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998.
6. Листи Івана Мазепи. Київ, 2002. Т. 1. 1687–1691. Упорядник та автор передмови В.В. Станіславський; Київ, 2010. Т. 2. 1691–1700. Упорядник та автор вступного дослідження В.В. Станіславський.
7. *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001.
8. *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004.
9. *Модзалевский В.Л.* Генеральный судья Иван Чарныш и его род // Киевская старина. 1904. Т. 84. № 3.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 124.
11. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Л., 1948. Т. 5. Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь. 1699–1700.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3 (1704–1705).
13. *Лазаревский А.М.* Иван Петрович Забела, знатный войсковой товарищ (1665–1703 гг.). (Отрывки из семейного архива) // Киевская старина. 1883. Т. 6. № 7.
14. *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской битвы. М., 2009.
15. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011.

16. *Кочегаров К.А.* Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г. // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1708 г. Март. Челобитная казаков Стародубовского полка с протестом против назначения полковником Ивана Черныша.

Ясневелможный мосцѣвий пане гетмане,
Премилостивѣйший наш и великий добродею!

Еще в прошлом месяцу февруарии^а перш отчасти (чому еще мы не зовсѣм довѣрали), а тепер уже совершенно оголосилося тое останствующою ведомостию в цѣлом нашем Стародубовском полку, же Иван Черныш, слуга велможности вашей, не контентуючися так прещедрою и превеликою велможности вашей ласкою и милостию, годност подлой его особы превишшаючою, которая оногo од гноища воздвигнула и яко единого от нищих обогатила, а будучи тепер чи то в дѣлех велможности вашей войсковых, чили в своих приватных (чого мы документалне не вѣдаем) у двору пресветлѣйшого нашего самодержца, его царского величества, дерзнул не тилко без нашего на тое соизволения, но что ест наибольшое, и без волѣ велможности вашею, звѣрхнѣйшого своего рейментара, яковимис своими хитростями и прелестми о уряд полковництва стародубовского старатися над давние обикновение, права и волности наши войсковые, премощными и висоцеповажными православных монархов всерусийских самодержцов прежних и нынешнего, щасливе нами обладающего великого государя его царского величества грамотами, утвержение и потверженые. И потол властолюбием и тщеславием ослѣпленный, не видячи и не познаючи себе, что ест, не перестал и не устал в намѣренном дѣлѣ, покол желаемого себѣ не получил и именованным уже (яко нам донеслося) полковником (л. 1 об.) стародубовским не зостал, которим себе поворочаючи от двору монаршого в Киевѣ, в Козелцу, в Нѣжинѣ и по инших мѣсцах на остаток через кривных своих, прозиваемых Чортов и через инших служок, безстудными своими писмами и у нас так далеце оголосил, же по всем полку Стародубовском досконалая в том пронеслася вѣдомост, которая в народѣ немалое учинила смятение и нам, старшинѣ незносим жалем сердце и утробу уязвила, великий ужас и удивление принесла, як то он, Черныш, единый в безчестном своем рождении от нищих человек незнатный и межи иншими честнѣйшими и заслуженными велможности вашей слугами послѣдний, бо недавний слуга, дерзнул до наяснѣйшого монаршого его царского величества маестату коснутися и так великой рѣчи просити, в которой ему, не мѣбочому жадних в Войску Запорожском заслуг и будучому безславного шевского и шинкарского роду, и помислити трудно. Ставаем прето на таковой нечаянной никогда нами вѣдомости отголос, у велможности вашей пана нашего милостивого, а не так ставаем, яко до ног велможности вашей рейментарских упадаем, просячи и ищучи при них непреодолѣнного и благопрозрителного заступления од того праволомного хищника ураду полковництва стародубовского, слуги велможности вашей Чорныша, которого ми жадных наименших в Войску Запорожском не толко заслуг (л. 2) не ведаем, но и подлюю его особу не давно килка тому лѣт ледво познали, як велможност ваша своею панскою протекциею почалес оногo от нища и убога в человека претварати, перш в канцелярии войсковой, до которой был по милости велможности вашей от услуг дворовых его милосте пана Кочубея на тот час писара, а тепер судии войскового енералного, принятий, убогощаючи и доволствующи его на многие мѣсца розними послылками користными, якие не могут ему в заслуги, лечь в удоволствование скудости и убожества вмѣнятися, а потом на господарствѣ

^а Последняя буква в слове читается условно ввиду исправления.

замку своего Батуринского, на котором велможности вашей он, Черниш, барзѣй прослужился, анижели заслужился, яко о том всѣ мы совершенно знаем, и удивляемся до тих час великому велможности вашей непамятозлобию и панскому милосердию, же того Черниша, которого треба было не на время (яко велможност ваша учинилес был), лечь навсегда от милости своей панской отринути, зо всего обнажити и значне скарати за явние его шалбѣрства и тайние добр ваших панских присвоения, велможност ваша по естественном своем не раз свѣдителействованном милосердию арматним токмо через еден день вязенем, чрез килка недел на очах панских небиванем и от господарства отстановленем мало наказавши, преждней своей ласки участником быти удостоилесь, которою разгородѣвшись стал высоко о себѣ разумѣти и превозносити себе вишше себе. (л. 2 об.) Лечь мало на том болшое предградет: не прозрися он, Черныш, и городстию и любочестием ослѣпленный, в рождение свое, кто ест и откуда, кгда дерзнул, будучи худородним, о высокое в Войску Запорожском стародубовское полковництва достоинство недостойнѣ старатися, на котором прежде сего почавши от славныя и вечно^b достойныя памяти валечного велможности вашей антецессора Богдана Хмелницкого аж до щасливого велможности вашей рейментарского властителства всегда зоставали люде годнии, заслужонии козаки з дѣда з прадѣда, стариннии, славнии и отважнии межи якими иннии были и гетманского племенѣ, яко то небощик Федор Мовчан¹, внук Богдана Хмелницкого, который на службе монаршой в Чигиринѣ за вѣру православную, за церкви Божественные, за Отчизну Малоросийскую и за волности войсковие крѣпко и мужественно против сил турецких застановляючися, голову свою положил, а за ним болш от двохтисячей значнѣйшого полку Стародубовского начального и подначального товариства дѣдов, отцов, дядков и братьов наших от меча неприятелского на пляцу военном трупом лягло², а иншии многии з нас и тепер в той же Чигиринской военной потребѣ раны и кровпролитие претерпѣвши, в живых еще обрѣтаются. Не умолчим и недавно бывших (л. 3) у нас полковников, небожчиков гетманичов Семиона и Якова³, перед ними зас пана Григория Карповича Волского, в живих тепер обрѣтаючогося, старинного значного и заслужоного товариша войскового, который од хоружества енерального перш у нас стародубовским, а потом киевским был полковником⁴. А по них гетманичах за щасливого велможности вашей властителства и покойника Миклашевского прошлого року в Несвѣжу также на службѣ монаршой от рук неприятелских шведских з инним многим товариством, отцами, дядками и братьями нашими смертию пострадавшего⁵, которого мы з знаменитого ураду асаулства войскового енерального волними голосами на полковництво стародубовское, яко годного и в Отчизнѣ заслужоного человека, у велможности вашей упросили.

А як же не постидится Черниш, жадних заслуг у себе не мѣючи, человек молодой, сын не козацкий, в экспедициях военных неискусный, а подобно и никогда не бывалый, по таковых особах достойных заслужоных и славных над нами, старинними козаками полковниковати и прежним полковником стародубовским чином соравняться, да и нам в Войску Запорожском кровию и отвагами з отцов, дѣдов и прадѣдов имя козацкое заслужившим, як не тилко не безчестно и не укоризненно будет ему Чернишеви единому служцѣ велможности вашей подначальными быти, кланятися и повиноватися, которого мы не толко (л. 3 об.) дѣда и отца никогда не знавали и знати (бо и не маш чого) не можем, лечь и его самого, и прозвание оного недавно и то не всѣ з нас увѣдали. Тое токмо от певних людей честных, вѣригодних жителей батуринских, и тепер еще живих достовѣрно знаем и давно чуем, же отец его в Батуринѣ нищетно живучи, ремеслом шевским и костирством⁶ упражнялся, а потом з братом своим, а его дядком в винницѣ роблял, и оттол себѣ пищу и одежду мѣл, а Чорнишем для того люде в Батурине прозвали, же над мѣру был лицом чорний, яко и сын не велми бѣлий, который по смерти отческой зоставшиися з маткою осиротѣлим в малых лѣтях, а не хотячи чили не могуци

^b Последняя буква в слове читается гипотетически по причине кляксы.

ремесла шевского учиться, яко бы певне умел, если бы отцеви вѣкъ продолжил-ся, удался на науку писма до школы Свято-Николской Батуриной, где учился и валялся за нищого. Матка зас поти шинкарством бавилася, поки не пошла за небошика Вергуна, козака сѣчового, а и за тим будучи в малженствѣ не оставляла шинкарства, которим и доселѣ увес род его Чернишов яко то прозиваеми Чорти и иншие бавятся. Когда прето он Черниш научился читати и писати, тогда перш за хлопца служил при небошику Лисицѣ⁷, полковникови охочопѣхотним, а потом по смерти его Лисицы^с, кгда полк тот пѣхотный над которим он полковничковал, вручен zostал от велможности вашей пану Чечелю⁸, в тех час уже он, Черниш, в совершенный возраст прийшовши, при нем пану Чечелю за челядника и писарчика zostавал до Казикерменского походу. А по взятю Кезикермена, оставивши службу сердюцкую, удался на услуги (л. 4) до его милости пана Кочубея, на тот час писара войскового енералного, у которого чрез килка лѣт служачи и до писаня лучше призвичаившися, упросился у велможности вашей через рекомендацію помененного ж его милости пана Кочубея нынѣшнего судии войскового енералного до канцелярии войсковой недавним временем, которая поневаж не так многолюдна была, як тепер, латвий получил через милост велможности вашей до тоей же канцелярией войсковой приступ и вход, в якой видячи велможност ваша его Черниша легкого и от всѣх канцелярист меншого и послѣднѣйшого, а отчасти справного, изволалес оного в Царкгород гонцем з листами до его царского величества думного дѣяка, его милости господина Емелиана Игнатовича Украинцева⁹ ординовати.

З чого всего изслѣдовавши его рождение, воспитание и службы можно познати совершенно, что он Черниш ест за человек и якие его заслуги. И з тих прето мѣр разсуди велможност своим благумудрим благоразумием, если прилѣчно шевскому, костирскому, винницкому и шинкарскому сыну над нами стародавними козаками полковничковати, которих праотцы не копилком, не костми и картами, ани квартою и ожогом винничним, лечь шаблею и кровию имя козацкое заслужили и нам наслѣдником своим за найболший дар оное zostавили. Вздригаемса теды и ужасаемса, обавляючися, абы полк наш, которий тепер честию и славою и заслугами соравняется инним полкам, не прийшол в крайнее понижене, поругание, укоризну и посмѣвско, когда по так честных, славных и заслужонных полковниках будем (л. 4 об.) мѣти над собою полководцу (чого не дай Боже), единого шустика, шевчика, человека молодого и нѣгде в военных оказиях небывалого. А если он Черниш для тол тилко единого величается (бо инших не маш и не было служеб), же гонцем был з листом до Царкгорода, то такую мѣрою всѣх бы тих слуг велможности вашей, котории в прошлых лѣтях были до Царкгорода гонцами треба учинити полковниками, яко то Козловского¹⁰, Петра Волошина¹¹, Статия Волошина¹², Стефана Керека и инних, що никогда события не может для подлости их особ. А до того было бы то противно давнему обикновению, правам и волностям нашим, многими статьями и монаршими грамотами потверженными, если бы он Черниш zostал у нас полковником без жадного нашего согласия и волного избрания.

И любо велможност ваша от Бога и от Помазанника его великого государя нашего, его царского величества совершенную мѣеш власт и давати, и отбирати уряды полковничие, однак тую свою власт, послѣдуючи антецессором своим, так мѣркуешь и так благоразумѣешь^д своим управляешь, жебы ни в чом прав и волностей войсковых не перевишшала и не повреждала. Упадаем прето до ног велможности вашей и сторично покорне просим, абыс нас при правах и волностях наших заховуючи (л. 5), не допускал над нами Чернишеви, слузѣ своему, человеку молодому, сынови шевскому, ни в чом в Войску Запорожском незаслужоному и нам мало

^с Буква «ы» в слове исправлена из «ѣ».

^д Возможно ошибка, должно быть «благоразумием».

знаемому началствовати и полковниковати на безчестие, поругание, и посмѣвиско у малороссийского народу полку нашего. А яко всѣ́ одногласными голосами чрез покорную супплѣку прошлых свят рождественских просили себѣ́ за полковника у велможности вашей его милости пана Войнарковского милого велможности вашей сестренца так и тепер неотступнее повторне о того ж самого ж просим, если ж бы в том нашем прошении цѣ́ле не могли получитьи благоисполнительной велможности вашей милости, теды дерзаем уже хочѣ́ и незносим нашим жалем о тое просим, абыс велможност ваша позволил нам ведлуг прав и волностей наших з межи себе в полку на тот уряд полковничий годнѣ́йшого кого и заслуженнѣ́йшого, ниж Черниш, волними голосами избрати, в чом желаемому прошению своему получивши, должны зостаем за щасливое велможности вашей пановане Господа Бога молити.

Спиридон Ширай,
войт стародубовский
з всѣ́ма маистрагом
и посполством

Велможности вашей нашего велцemosцѣ́вого
пана, премилостивѣ́йшого добродѣ́я
наинизшие подножки:
Прокопий Силенко, обозный и полковник
наказный стародубовский
Яков Романовский, судья полковый
Григорий Старосѣ́льский, Смен Кголецкий,
асаули полковие,
Юрий¹³ и Ян Рубцѣ́ ...¹⁴, Федор Волский, сотник
топалский, Захарий Искра, сотник погарский
Афанасий Покорский, писар полк[овый], Михайло
Турковский¹⁵, сотник и инние з всем полком
Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Оп. 4. Д. 147.

Примечания

¹ Федор Лукьянович Молчан (ум. 1678) назначен стародубским полковником в 1678 г., убит в том же году в боях за Чигирин.

² Согласно официальным данным, в кампании 1678 г. Стародубский полк потерял убитыми и ранеными около 400 чел. [16. С. 396].

³ Сыновья гетмана И. Самойловича. Семен (ок. 1660–1685) был стародубским полковником в 1680–1685 гг., Яков (ум. 1695 г.) – в 1685–1687 гг.

⁴ Григорий Карпович Коровка-Вольский (Коровченко) (ум. ок. 1707), с 1672 г. – генеральный хорунжий, с 1677 г. – чигиринский полковник, в 1678–1680 гг. – стародубский полковник, в 1682–1688 гг. – киевский.

⁵ Михаил Андреевич Миклашевский (ум. 1706) – генеральный есаул в 1683–1689 гг. (с перерывом), был стародубским полковником в 1689–1706 гг. Убит 12 марта в стычке казацкого отряда со шведами под Несвижем.

⁶ Костирство – игра в кости.

⁷ Иван Павлович Лисица (ум. ок. 1695).

⁸ Дмитрий Васильевич Чечель (ум. 1708) – сердюцкий полковник с 1695 г.

⁹ Е.И. Украинцев (1641–1708) – русский посол в Константинополе, заключивший в 1700 г. мирный договор с Османской империей.

¹⁰ Возможно, Павел Козловский, упоминаемый в 1707 г. как гетманский дворянин.

¹¹ П. Волошин в 1690-х годах ездил с гетманскими письмами и поручениями к крымскому хану, молдавскому господарю, а также к русскому царю.

¹² Статий Волошин в 1707 г. ездил в Бендеры, сопровождая царского курьера в Константинополь [10. Оп. 4. Д. 144. Л. 1].

¹³ По всей видимости, это Юрий Ильич Рубец, бывший позднее полковым судьей.

¹⁴ Слово неразборчиво, гипотетически читается как «у ног».

¹⁵ Михаил Турковский был мглинским сотником.